

В экспедициях университета

М. Э. Рут

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ О МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ РАБОТ

Для справки: *Топонимическая экспедиция Уральского университета (она же Севернорусская топонимическая экспедиция — СТЭ). Основатель и научный руководитель — А. К. Матвеев. Первый выезд — зима 1961 г. Зона работ — Средний и Северный Урал, Русский Север (Архангельская и Вологодская области), а также Челябинская, Оренбургская, Костромская и Ярославская области, Башкирия, Красноярский край. Собранный материал: топонимия, антропонимия, астронимия, диалектная лексика — около 2 млн. ед. хранения. Семь поколений участников. По материалам ТЭ защищены 2 докторские, 19 кандидатских диссертаций, сотни дипломных и курсовых работ.*

35 лет работы — юбилей “негромкий” (хотя в современных условиях, когда каждый новый сезон работы висит на волоске из-за нехватки финансов, год ценится вдвойне и втройне), и именно в связи с такими датами итожатся не научные результаты (а их у экспедиции на счету немало), а те методические собирательские наработки, без которых нет экспедиции и нет научных результатов. Этапам формирования методики сбора и посвящено данное юбилейное обозрение. С самых первых выездов экспедиции в 1960—1961 гг. и до настоящего времени действуют основные методические установки:

- сплошной сбор материала в каждом населенном пункте обследуемой территории;
- сочетание лингвистической (ударение, фонетические, акцентологические и словообразовательные варианты, словообразовательное гнездо и т. д.) и внелингвистической (географическая привязка, учет новых/старых, официальных/неофициальных вариантов, сведения о внешнем виде и характере объектов и т. п.) информации при сборе полевого материала;

- обязательная проверка каждой записанной лексемы у нескольких информаторов (то, что на экспедиционном жаргоне называется дублированием материала).

Опыт показал, что каждая из названных установок не только результативна, но и плодотворна в плане развития все новых и новых приемов полевого сбора. Так, обязательность проведения работ в каждом населенном пункте позволила выбрать стандартную, но достаточно гибкую схему опроса при сборе топонимии; внимание к собственно лингвистическим проблемам при сборе топонимии повлекло за собой необходимость сбора географической терминологии, затем — шире — любой терминологической лексики и, наконец, вывело экспедицию на целенаправленный сплошной сбор диалектного лексического материала; интерес к сведениям о самом топообъекте сделал необходимым запись топонимических легенд и реальных мотивировок топонимии, фиксацию антропонимов, коллективных прозвищ, индивидуальных прозвищ, редких личных имен и т. п.; обязательность повторных

фиксаций вызвала к жизни методику опроса “от названия” (когда информанта прямо спрашивают, есть ли такое название и где расположен так названный объект) или “от слова” (при сборе диалектной лексики). Приведенный перечень весьма не полон, но в его исчерпанности и нет необходимости: во-первых, прекрасной иллюстрацией к тезису о поступательном расширении и углублении методики служат издаваемые (по мере устаревания) инструкции по сбору топонимического материала¹, во-вторых, процесс расширения и углубления продолжается.

Естественно постоянное изменение приоритетов при сборе материала, объясняющееся и развитием топониматики и диалектологии, и спецификой исследуемой территории. В 60-е гг. наибольшее внимание уделялось дорусскому субстрату, в 70-е гг. возникла и укрепилась тенденция к исчерпывающему полному сбору всей микротопонимии в ее тесной связи с диалектной терминологией и другими классами онома, в 80-е гг. особо значимой представлялась жесткая формализация сведений о топониме, которой поддавалась далеко не каждая единица полевого сбора. Наконец, в 90-е гг. особенно активно идет сбор лексического материала, что отчасти связано со смещением зон обследования на территории со слабо сохранившейся традиционной микротопонимией. Каждый новый период знаменовался стремлением вернуться назад, на уже исследованные территории и собрать материал заново, с учетом новых приоритетов и по усовершенствованной методике. Такие “возвратные” обследования оказались особенно необходимы для территории, где экспедиция работала в начальный период (Белозерье, Няндомский район Архангельской области, зона среднего течения Северной Двины). Опыт показал, что повторные выезды дают существенный прирост фиксаций известного материала, заполняют лакуны, объясняющиеся прежними методическими недостатками, но в целом не меняют уже зафиксированной общей картины, что свидетельствует о верности основных методических установок.

Работая “на картотеку”, т. е. будучи настроенной на максимально объективизированный учет имеющегося на данной территории ономастического и диалектного лексического материала, экспедиция вместе с тем всегда сочетает общий подход с готовностью работать и на конкретного исследователя, что определяет и выбор зоны, выходящей за рамки осваиваемой экспедицией территории, т. е. Среднего Урала и Русского Севера (Архангельская и Вологодская области), и “добавки” к традиционной программе сбора. Отсюда и обследование зоны среднего течения р. Иртыш в конце 70-х гг., и работа в северо-восточных районах Костромской области, и выезды в Башкирию, и мансийские экспедиции, и другие “отклонения” от привычных маршрутов, ставшие началом диссертационных работ, но в то же время прибавившие материала в картотеку общего экспедиционного фонда.

Сочетания работы “на себя” с работой “на всех”, пожалуй, можно считать одним из организационных достижений экспедиции: каждый ее участник, с одной стороны, работает по достаточно жесткой общей программе, с другой стороны, имеет право и возможность включать в программу сбора поиск того или иного специфического материала по интересующему его направлению, вовлекая в таким образом направленный сбор добровольцев из числа участников. “Педалированный” сбор, например, названий грибов, ориентированных топонимов, или топонимов, основанных на библейских образах, или коллективных прозвищ, или астронимов и т. д. может на следующий год “прорасти” в существенное расширение общего вопросника. Конечно, в истории экспедиции немало ситуаций, когда продиктованное намерениями конкретного исследования начинание затем снималось с повестки — так, например, прекращено составление фонетических карт исследуемых микрорегионов, но все, что было собрано хотя бы однажды, хранится в архивах ТЭ, чтобы, может быть, когда-нибудь сослужить службу кому-то из исследователей или лечь в основу новой поправки к общей программе сбора.

В настоящее время на полевых сборах работает программа, которая включает в себя три части: сбор топонимии, сбор диалектной лексики и сбор “всего остального”. Каждый собиратель строит опрос информанта, исходя из этой триединой задачи, хотя лишь опытные экспедиционники выполняют ее полностью — остальные на первых порах стихийно тяготеют к предпочтению одной из первых двух: либо увлекаются опросом по топонимии, либо ограничиваются подробной беседой по диалектной лексике. Впрочем, и сами информанты

¹ См.: Программы и инструкции для топонимических экспедиций / Сост. Э. Д. Барышникова, Л. М. Майданова, Т. В. Марадудина, Г. Я. Шаламова. Свердловск, 1968; Методические указания по сбору и обработке топонимии / Сост. О. В. Востриков, С. А. Леушина, А. К. Матвеев, С. М. Стрельников. Свердловск, 1983; Методические указания по сбору и обработке топонимии / Сост. Е. Л. Березович, М. Л. Гусельникова. Екатеринбург, 1991. (Все три — под ред. А. К. Матвеева).

далеко не всегда способны представить полноценную информацию по всем разделам опроса. В связи с этим в ходе рабочих обсуждений не раз вставал вопрос об определенной специализации внутри экспедиции, уже давно ставшей комплексной и называющейся топонимической лишь по традиции — из уважения к тем, кто начинал. В пользу универсализма чашу весов склоняют чисто организационные проблемы, прежде всего быстрые темпы работ, диктуемые и катастрофическим состоянием севернорусских говоров и традиционной топонимической системы, и сложным финансовым положением.

Таким образом, современный сотрудник ТЭ должен сочетать в себе качества собирателя самого разнообразного лингвистического материала. По сути, он должен владеть навыками двух диаметрально противоположных типов опроса: свободного (при сборе топонимии) и направленного (при сборе лексики). Остановимся подробнее на каждом из этих типов.

При сборе топонимии собиратель в основном предоставляет инициативу информанту. В качестве последнего выступает, как правило, признанный знаток здешних мест, чувствующий себя уверенно и сознающий свой авторитет. Микросистема топонимов, существующая в сознании такого информанта, как правило, весьма индивидуализирована и во многом уникальна. Поэтому задачей собирателя является верно зафиксировать то, что четко и уверенно излагает информант. Участие собирателя в беседе ограничивается организацией схемы опроса (название данного населенного пункта — названия соседних населенных пунктов — название основной реки или, реже, озера — название притоков основной реки и их притоков — название водоемов, болот и других естественных природных объектов — название сельскохозяйственных угодий) и уточняющими вопросами (географические привязки, мотивировки названий и т. д.), причем нередко информант после 2—3 уточняющих вопросов уже сам сообщает всю необходимую информацию. Сбор топонимии тесно связан с составлением картосхем — их чертит и собиратель, и информант. Работа с картой стала обязательным элементом топонимических полевых сборов с самых первых экспедиций, когда совместная работа с топографами убедила топонимистов, с одной стороны, в преимуществах опроса по карте для получения точной абсолютной и относительной привязки на местности для каждого названия, с другой стороны — в неполноте и неточности фиксации микротопонимии на самой подробной из карт. Карта изучается собирателем перед выходом в маршрут, карта нередко расстилается перед информантом при опросе, причем далеко не всегда это карта, извлеченная из планшета собирателя — часто ее достает сам информант, и тогда схема опроса идет от карты. Однако по законам экспедиции работа с картой никогда не заменяет живой беседы, а лишь сопутствует ей.

Хороший информант уже в ходе топонимической беседы обычно дает материал и для сбора диалектной лексики, свободно пересыпая диалектными словами свой рассказ. Это, однако, не снимает главной сложности комплексной беседы — перехода от сбора топонимии к сбору лексики. Информант, только что с блеском дорисовавший последний штрих в топонимической микросистеме, с трудом переключается на разговор по лексике нарицательной. Испытывает трудности и собиратель, поскольку с этого момента он должен переключиться на методику направленного опроса, предлагающую высокую активность именно собирателя. Экспедиционная мудрость гласит: “Топонимию тебе дадут, а лексику ты должен взять сам”. Собиратель должен владеть идеографической сеткой говора, т. е. знать, о каких понятиях и предметах уместен разговор, должен владеть хотя бы некоторыми лексемами говора, чтобы при необходимости оживить и прояснить ситуацию вопросом “от слова” (“А вот слово *согра* у вас есть? И что это такое?”) или “наводкой” “от текста” (“А если такая на елях виснет, как куделька, как борода дедушкина — как называете?”). И при этом еще и чутко ловить каждое слово наконец разговорившегося информанта, чтобы не пропустить что-нибудь новое, ранее не зафиксированное, позволяющее вырваться из заколдованного круга уже знакомых лексем, да еще и искать новые направления беседы, тоже способные вывести за черту известного. Навыки такой беседы требуют длительной тренировки — и собиратель тренируется, слушая рассказы руководителей в период подготовки, в поезде, ставя вечерами рабочую картотеку материалов, записывая перед маршрутом длинные списки слов, которые надо проверить. Тренируется — и вместе с тем привыкнет к стандарту, который потом очень трудно преодолеть.

Другими словами, проблема специализации в комплексной экспедиции становится довольно острой. Тридцать пять лет работы дали возможность отточить определенный стандарт опроса в ходе полевых сборов, наличие которого позволило быстро обучать новичков и быстрыми темпами производить сбор на достаточно больших территориях. В результате собран огромный материал, “закрыта” обширная территория. Всероссийски известные миллионные картотеки ТЭ — сокровищница материала, требующего введения в научный оборот. Но — все собрано? Кажется, далеко не все.

Очевидно, наступило время смены методической тактики. Свободный топонимический опрос должен смениться направленным (или включить в себя его элементы). Накопленные знания помогают выработать определенный стандарт, позволяющий искать конкретные топонимы на конкретных территориях, что уже было апробировано во время экспедиционных выездов на территории былого расселения летописной мери в 1996—1997 гг. С другой стороны, назревает потребность к переходу на методику свободного опроса при сборе диалектной лексики — ненаправленная (точнее, нестандартизированная) беседа позволит выявить новые идеографические области, которые сейчас лишь случайно “нащупываются” в ходе направленных бесед.

Закончен большой этап. Можно начинать сначала.

Б. Б. Овчинникова

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЛООСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1987—1997)

Исторический Северо-Западный Кавказ не совсем совпадает с географическим. В него не включаются территории, на которых еще в древние времена возникли государственные образования: Таманский полуостров, юг Черноморского побережья Кавказа, а также Закубанья, где природные условия степей определили несколько иной ход развития цивилизации, нежели в горах. Впрочем, изучаемый регион тоже необходимо разделить на две части — горную и приморскую. Вторая, наиболее подверженная влияниям извне, явилась своеобразным местом взаимодействия между горами Северного Кавказа и государствами Причерноморья. Несомненна преемственность между древними племенами этого региона (зихи, гениохи и др.) и адыгскими народами (адыги, или черкесы, кабардинцы, абазины и др.). Изучение их культуры и взаимоотношений вносит существенный вклад в исследование данной этнической ситуации, к тому же вообще мало освещенной в литературе. В этом плане работы, предпринятые Лооской археологической экспедицией Уральского университета в Лазаревском районе г. Сочи имеют определенное значение.

Раскопки в указанном районе, начатые в 1987 г., ведутся непрерывно под руководством автора уже десять полевых сезонов¹. За эти годы была заложена основа общей оценки исследуемых уникальных памятников, их культурного слоя, сложилось представление о периодах их функционирования, этнической принадлежности и роли в средневековой истории восточно-прибрежной полосы Северного Причерноморья. В деятельности экспедиции наметились определенные направления и этапы.

С 1987 по 1991 гг. проводилось изучение памятника церковной архитектуры — храма возле пос. Лоо. Памятник ко времени раскопок представлял собой заброшенные развалины храма, на территории которого и в его окрестностях росли многолетние деревья (возраст их около 100—150 лет.) и мелкий кустарник. Северная стена, покрытая плющом, сохранилась *in situ* (лат. “в.месте нахождения”) и в части портала достигла свыше 7,0 м в высоту. Частично просматривались фрагменты западной стены и апсид. Южная стена рухнула, упавшая кладка ее монолитом лежит с внешней стороны храма. Здесь же к востоку от монолита прослеживалась кладка в высоту более 2,0 м, идущая перпендикулярно линии южной стены. Внутри храма, особенно в алтарной части и около западной стены, лежали массивные фрагменты кладки стен и апсид.

Тщательно выполненный архитектурно-археологический обмер дал возможность уточнить размеры плана, фасадов и отдельных деталей здания.

¹ Более подробно об исследованиях Лооской археологической экспедиции УрГУ (ЛАЭ УрГУ) см.: Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа: Материалы конференции, посвященной итогам исследований ЛАЭ УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи (1987—1996), 14—16 февраля 1997г. Екатеринбург, 1997.